

Мейерхольд

«Надо бороться во что бы то ни стало...»

Рос. вето. - 1993. - апрель - с. 8.

Наталья ЗВЕНИГОРОДСКАЯ

Наследие великого Мастера, память о нем возвращаются к нам. Мейерхольд - это история не только русского, но и мирового театра. Да разве только история? Когда-то Вахтангов предсказывал, что Мейерхольд даст корни театрам будущего. Так и вышло. Это особенно остро чувствуешь, когда съезжаешь в Москву или, скажем, в Пензу, на родину режиссера, ученые и практики со всего света. Тогда видишь, как живо все, что связано с Мейерхольдом, как могуче и ветвисто дерево, корни которому он некогда дал.

В последние годы о Мейерхольде стали больше писать. Если не считать специальных изданий, публикации, как правило, посвящены обстоятельствам его гибели, трагического финала. Чем дальше в глубь времени, тем туманнее и неопределеннее его образ и судьба. А между тем и в ранних годах режиссера есть немало такого, о чем интересно и бесполезно было бы помнить.

Сто девятнадцать - дата не круглая. И все же нынешний февраль юбилейный. Ровно девяносто лет назад завершился первый в жизни Мейерхольда самостоятельный театральный сезон. Происходило это довольно далеко, по нынешнему, и вовсе за границей, а по тем временам, в глухой российской провинции, в Херсоне.

Кто-то махнет рукой: архивная ветошь, дела, как говорится, давно минувших дней, преданья, так сказать, старины глубокой. Что толку рыться в этой «хронологической пыли»? У нашего театра сегодня забот хватает.

Мы действительно успели привыкнуть к сетованиям: театр гибнет, вкусы падают, коммерция задавила. А тут - мирная херсонская губерния едва ли не вековой давности. До того ли в наше время?

Но это только для торговца времена бывают благоприятными и не очень. Для художника, если он, конечно, не торговец, они, в сущности, всегда одинаковы. Дни минуют - дела остаются. Проблемы остаются, вечные вопросы. Те, что не дают покоя современному театру, мучили когда-то и Мейерхольда.

После четырех лет работы в Московском Художественном он отказался от самой престижной сцены в России, от стабильного существования и в поисках своей «синей птицы» уехал в провинцию, взвалив на себя заботы режиссера и антрепренера созданной им труппы. У молодых ни денег за душой, ни серьезного опыта за спи-

ной. При них лишь вера, дерзость и жизнь впереди.

Мейерхольд (он провел в Херсоне два сезона, 1902/03 и 1903/04 гг.) столкнулся в начале века с ситуацией, до боли знакомой и нам. Сейчас нередко слышишь, что Россия превратилась в культурную провинцию. Для серьезной музыки нет слушателя, для серьезного театра - зрителя. Когда

настороженно. А тут еще - театральная комиссия! Звучит современно, не так ли?

Чем встретили чиновники от театра новую труппу?

Херсонский фельетонист уверял, что не чем иным, как «постановлениями, да не десятками, а сотнями». Да... Для бюрократов, очевидно, времена тоже всегда одинаковы.

временного театра, да и не одного театра: как сочетать интересы искусства с интересами коммерции?

Чем только не увлекаем мы публику. Сенсация, острый сюжет, «клубничка». Оно понятно. Публика - дура. А артисту есть-пить надо. И это правильно: конечно же, надо. Но вот какая штука. Любой продукт приедается, только хлеб - никогда. Сенсация - она ведь лишь на

спектакли. Атмосфера, сложившаяся вокруг Мейерхольда, как в капле воды, отразилась в дебатах, разгоревшихся в городской думе при рассмотрении вопроса о предоставлении театру субсидии в одну тысячу рублей на отопление здания. Чисто бытовой, сугубо прозаический вопрос вызвал споры отнюдь не на прозаические темы. В выступлениях гласных - все позиции, все

видовать херсонцам.

Мейерхольд получил субсидию. Большинство гласных проголосовало «за».

Ни тогда, ни нынче, никогда искусство вообще и театр, в частности, не могут и не должны окупать себя. В старом, далеком Херсоне это хорошо понимали. Поддержали Мейерхольда и губернатор А.В.Левашов, и губернаторша. Именно их стараниями организовывались «народные» спектакли по пониженным ценам для неимущих. Лишних денег в труппе не водилось, но Мейерхольд старался всеми силами привлечь в театр как можно более широкий круг горожан. Без помощи властей ему бы это, безусловно, не удалось. Да и вообще, быть может, отцам города, херсонским властям мы в не-малой степени обязаны тем, что Мейерхольд состоялся. Забей они его тогда, ударь рублем, глядишь, некому было бы дать корни театрам будущего...

Итак, Мейерхольд не отступил. В 1905 г., когда он будет закрывать сезон в Тифлисе, благодарные почитатели напишут в прощальном адресе: «Вы победили! Вы покорили нас дружным натиском стройного ансамбля, упорными атаками пьес нового репертуара». Теми же атаками, тем же натиском покорила он и Херсон. Он был упорен и победил. Не делал ставку на то, чтобы заполнить театр любой ценой, угодить всем. Вообще никому не угодил. Во-евал со зрителем за этого же самого зрителя. И отвоёвал его. Мейерхольд увлек и воспитал своего зрителя - понимающего и преданного, - не прислушиваясь к голосу толпы и не оглядываясь на тех, кто с возмущением покидал зал. И что же - прогорел? Ничуть не бывало. Публика оказалась вовсе не дурой. Быть может, оттого, что Мейерхольд ее не дурачил?... Недавние ревнители пьес «с кровью» и опереток написали Мейерхольду на прощанье: «Мы шли к вам не ради веселья и беззаботного смеха, мы шли к вам, чтобы с сцены болью сердца переживать наши забытые стремления к правде, добру и красоте. Вы будили нашу сонную мысль... И мы чувствовали, что, возвращаясь к будничной жизни, оставляя порог здания, которое вы сделали поистине храмом, мы уносили с собой частицу обновленного духа».

Должно быть, и нам сегодня не стоит отчаиваться. Ведь удалось же начинающему режиссеру не опустить планку, не потерять себя, но и связи со зрительным залом не потерять.

Архивная ветошь? Дела давно минувших дней?..

Так ли?

Публикуется впервые

**Завтра мы отмечаем
стодевятнадцатилетие Всеволода
Эмильевича Мейерхольда. В феврале его
жизнь началась, в феврале же и
оборвалась. Выстрел прозвучал второго,
за неделю до дня рождения. Тогда, в
сороковом, ему... не исполнилось
шестьдесят шесть.**

На снимке:

В.Э. Мейерхольд, Б.Л. Пастернак и Андре Маярьо.

Вторая половина 30-х годов.

Фото Якова Халипа.

Мейерхольд собрался в Херсон, А.П.Чехов с тревогой писал О.Л.Книппер: «...в Херсонском театре ему будет не легко! Там нет публики для пьес, там нужен еще балаган». А вот как описывал провинциальную жизнь один из херсонских газетчиков: «... отсутствие высших интересов, грязная, засасывающая тина житейской пошлости - и в общем всеподавляющая, страшная, мертвящая скука. Театры или пустуют, или увлекают в свои стены публику широковежательными рекламами о пьесах - сенсационных шумах... словом, театр совершенно утрачивает свое назначение и старается только угождать притупившимся и огрубевшим вкусам публики».

Ну чем не цитата из сегодняшней газеты!

И вот сюда Мейерхольд приехал, увлеченный идеей утвердить на здешней сцене новый репертуар. Херсонцы, по словам театрального обозревателя, «драму недолюбливали, а серьезные пьесы просто боялись», предпочитая пьесы «с кровью» и пикантные французские водевили. Мейерхольд же предложил им Чехова и Гауптмана, Ибсена и Золя, А.К.Толстого и Горького, Шницлера и Метерлинка. Неудивительно, что поначалу к нему отнеслись

Одно требование комиссия выдвигала особенно настойчиво:

... Предупреждаем вас, что постоянная драмы не потерпим, что Чехов, Гауптман, Ибсен и Зюдерман

Постыли нам, и, буде вам возможно, «Мадам де-Турбильон» или «Даму от Максима»

Поставить нам - зело мы будем рады... Словом, предстоял нелегкий сезон. Как быть? Ведь плетью обуха не перешибешь... Разумнее, да и выгоднее, прислушаться, пойти, так сказать, навстречу пожеланиям. Тем более, что был в труппе бесспорный козырь - молодые, красивые актрисы. Одна Наталья Волохова свела бы с ума весь город. Здесь, в Херсоне, будущей блоковской «Снежной маске» - двадцать пять. А двадцатилетняя Вера Шухмина! Когда в шекспировском «Сне в летнюю ночь» она играла «шаловливого, грациозного и прелестного» Пека, то стала «виновницей нескольких семейных сцен» в зале, так заворожены ею были мужчины.

Как поступить антрепренеру, чья не последняя забота номер в гостинице и обед для актеров?

Мейерхольд оказался лицом к лицу с проблемой, волнующей и деятелей со-

мим сенсация, завтра - обыденность, банальность. Повороты сюжета, какими бы острыми они ни были, скоро наскучат. Лишь повороты мысли всегда новы. А «клубничка» - она вообще сильный аллерген. Секс на сцене (как, впрочем, и в жизни) приедается быстрее всего, если не освящен истинным чувством. Не случится ли так, что, шагая под лозунгом «Публика - дура», не успеем оглянуться, как ее, и впрямь абсолютно одуревшую, в театр калачом не заманишь? Вот тут-то театры (вместе с душами и головами) опустеют уже окончательно и бесповоротно. И есть-пить, кстати, тогда уж точно будет не на что.

Мейерхольд театром не торговал. Простым, но ведущим в тупик путем не пошел. Выбрал борьбу. Еще в 1901 г. он записал: «Самое опасное для театра служить буржуазным вкусам толпы... Всякое стремление ввысь тогда только целесообразно, когда оно не подкупно. Надо бороться во что бы то ни стало».

Не прислушаться ли? Тем более, что автору этих строк удалось не отступить.

А было это совсем не просто. Часть публики - противники серьезного репертуара - отвернулась от труппы, наотрез отказавшись посещать

точки зрения. Против предоставления субсидии выступил некто А.З.Рябков, требуя «обязать антрепренера взяться за иной репертуар». И это знакомо. Ударим рублем, выкрутим руки.

Но вот что поражает и, к сожалению, мало напоминает сегодняшний день. Слово взял городской голова М.Е.Беккер. «Интеллигентная и самая фешенебельная публика, - возразил он, - продолжает посещать театр, переполнен публикой и раек, где постоянно видишь молодых интеллигентных людей, умеющих и ценить, и любить искусство, пустуют только кресла первых рядов. Театр Мейерхольда, - заключил Беккер, - это театр, имеющий несомненно воспитательное значение, доставляющий высшее эстетическое удовольствие прекрасной постановкой, художественным исполнением и прекрасным подбором пьес лучшего и новейшего репертуара и знакомящий нас с новыми направлениями в искусстве».

Обратим внимание, с каких позиций и как горячо защищал новый театр руководитель города, провинциального, захолустного города, защищал, несмотря на то, что «первые ряды кресел», то есть самая денежная и влиятельная публика от этого театра отвернулась. Мы сегодня можем лишь поза-